

УДК 821.161.1.09«18»

ББК 83.3(2Рос=Рус)5

К ВОПРОСУ О ПОЛЕМИКЕ А.С. ГРИБОЕДОВА С Н.И. ГНЕДИЧЕМ

С.А. Кибальник

Предмет статьи – известная полемика 1816 года о переводе П.А. Катениным баллады Г. Бюргера «Ленора» («Ольга»), ранее переведенной В.А. Жуковским («Людмила»). Вопреки Ю.Н. Тынянову, включившему эту полемику в общую картину борьбы «младших архаистов» с карамзинским направлением в литературе, близкий к кругу «Беседы» Гнедич неожиданно выступает здесь против «архаиста» Катенина в защиту «арзамасца» Жуковского. В статье показано своеобразие литературно-эстетической позиции Гнедича, которое объясняют его участие в этой «четверной дуэли», и причины его поражения в противостоянии с будущим автором «Горя от ума».

Ключевые слова: *Гнедич, Грибоедов, полемика, «арзамасцы».*

Названный сюжет уже не раз рассматривался другими исследователями. Однако некоторая скороговорка в его рассмотрении, как правило, влекла за собой схематизм, игнорирующий личные особенности оппонентов и их взаимные отношения, также имеющие значение при общей оценке полемики. Недостаточно четкое определение эстетической и литературной позиции Гнедича: в основном создатель «русской Илиады» едва ли не безоговорочно записывался в лагерь карамзинистов¹ – приводило к тому, что отдельные моменты этого любопытного спора оказывались все время смещены, а некоторые оттенки стерты. Вот их-то я и постараюсь восстановить.

Итак, П.А. Катенин в 1816 году печатает свой вольный перевод баллады немецкого

поэта Готфрида Бюргера «Ленора»². В двадцать седьмом номере «Сына Отечества» выходит критика этого перевода, автором которой был Н.И. Гнедич [4, с. 20–22]. Наконец, в тридцать седьмом номере этого же издания А.С. Грибоедов печатает свою антикритику на статью Гнедича [6, с. 253–262]. Вот и вся полемика – в сущности, лишь обмен уколами, но не по обычной дуэльной схеме «Грибоедов против Гнедича», а немного сложнее: Гнедич – выпад против Катенина, а Грибоедов – ответный выпад против Гнедича и Жуковского (как автора первого переложения «Леноры» – баллады «Людмила»).

Начнем с того, что с легкой руки Ю.Н. Тынянова [16, с. 36–37] полемику эту принято включать «в общую картину борьбы “младших архаистов” (Шаховской, Катенин, Грибоедов, Кюхельбекер) с карамзинским направлением в литературе». Дальнейшее изучение

этой темы проходило в основном в рамках тыняновской парадигмы (см., например: [11, с. 39–40; 12, с. 146–155; 13, с. 62–64; 14, с. 149–152]. Однако Гнедич не только не член «арзамасского общества безвестных людей», но, напротив, постоянно подвергается на заседаниях «Арзамаса» со стороны его членов сатирическим выпадам – не менее саркастическим, чем его ядовитая рецензия на Катенина: «друг наш Гнедич на гексаметре без просодии», «некий халдей из Библиотеки», «досужий бес Хлыстова», «присяжный враг Гомера» – таковы отзывы о нем Д.Н. Блудова, С.П. Жихарева, Д.В. Дашкова, а переводы Гнедича из «Илиады» характеризуются ими как «вой Гнедича», «ужасные его гексаметры», «убитый им Гомер» [2, с. 48, 190–191, 203, 217 и др.].

Это скептическое отношение к Гнедичу неизменно: оно несколько не меняется после его выступления в защиту Жуковского, а читанная накануне, 2 января 1816 года, в собрании Императорской Публичной библиотеки его поэма «Рождение Гомера» на заседании «Арзамаса», состоявшемся 24 февраля 1816 года, вызывает следующий отзыв Варвика – Николая Тургенева: «Кто бы подумал, слушая чтение помощника библиотекаря, что дело идет о Гомере. Жалобным голосом своим, казалось, он просил пощады своему произведению. Два порядочных стиха едва ли вознаградили вас, почтенные сочлены, за два скучные часа» [там же, с. 192–193].

Гораздо более ощутимы связи Гнедича с «Беседой любителей русского слова», что делает его выступление в защиту Жуковского, на первый взгляд, довольно неожиданным. Правда, в 1811 году при открытии «Беседы» Гнедич отказался войти в ее состав, но впоследствии он постоянно печатается в «Чтениях» этого общества и нередко бывает на его заседаниях³. Таким образом, если речь может идти здесь о выступлении Гнедича как выражении некоего группового мнения – а Гнедич сам дал основания для этого, ссылаясь в своей статье на мнения неких «читателей», – то это выражение не мнения «арзамасцев», а собственного мнения Гнедича, подкрепленного суждениями нескольких его друзей. Напомню, что из круга «арзамасцев» и близких к «Арзамасу»

поэтов Гнедич был дружен с Жуковским, Батюшковым и Дашковым.

«Почему Гнедич выступил против Катенина и за Жуковского? – писал по этому поводу М.В. Строганов. – С Катениным его связывали деловые отношения по оленинскому кружку и близкие театральные интересы. С Жуковским – дружеское общение и скепсис по отношению к “Беседе”». И отвечал на этот свой вопрос следующим образом: «Гнедич, в отличие от Катенина (по словам Ф.Ф. Вигеля) “чуждался падших (беседчиков. – М. С.) и не дерзал восстать на торжествующих”, т. е. “арзамасцев”. Однако точнее было бы сказать так: Гнедич чуждался еще проявить близость к “арзамасцам” и не дерзал окончательно порвать с “беседчиками”, хотя в периоды размолвок с ними он мог обривать серьезные пародии. Позиция Гнедича типично “диффузная”, “периферийная”, и эта “промежуточность” его позиции вызывала на Гнедича со стороны “арзамасцев” насмешки и пародии, хотя в былые годы из их рядов звучали слова одобрения его новаторским начинаниям (вспомним приветствия С.С. Уварова по поводу начала работы Гнедича над гексаметрическим переводом “Илиады”» [15, с. 143]. Такая позиция нам представляется гораздо более близкой к истине⁴.

Мнение Гнедича, как оно выражено в статье, несколько отличается от мнения «читателей», на которых он ссылается: оно более умеренное. Гнедич даже называет таких читателей «злыми» и говорит им: «Но послушайте, любезные читатели! в суждениях также надобно спешить, как и в сочинениях: первые впечатления иногда обманчивы...» – а далее и вовсе порывает с ними: «Однако ж я вижу, что если слушать мне суждения таких строгих читателей, то они едва ли не каждый куплет станут перерывать, крича за оскорбление Грамматики или Логики, вкуса или слуха. Я их не буду слушать – пусть говорят, что хотят – стану читать один...» [4, с. 11]. Разумеется, «строгие читатели» – это вовсе не обязательно друзья Гнедича – «арзамасцы». Однако то, что суждения их представляют собой явный отголосок реакции некоторых членов «Арзамаса» на появление катенинского перевода, которая была не менее резкой, чем реакция на появление на сцене (за год перед этим) поэта Фиалкина в комедии Ша-

ховского «Липецкие воды», несомненно. И Гнедич от мнения этих придирчивых читателей открещивается – правда, лишь для того, чтобы далее по ходу статьи оказаться не менее придирчивым по отношению к катенинскому переводу уже самому, без их помощи.

Дружеские связи дружескими связями, но выступление Гнедича против Катенина все же выглядит неожиданным. Ведь он отнюдь не арзамасец, с его эстетических позиций баллады Жуковского – это отнюдь не то, что нужно отечественной словесности, и, наконец, собственные стилистические принципы его в работе над переводом «Илиады» в некоторых отношениях ближе к катенинским, чем к тем, которые исповедовал Жуковский. Неужели же дело в одном том, чтобы осадить молодого писателя, посягнувшего на признанный авторитет? Все-таки нет, а дело здесь опять-таки в оттенках эстетической позиции, а с другой стороны, во всей совокупности литературных и личных отношений.

Прежде всего перевод Катенина вышел из кружка Шаховского, отношения с которым Гнедича были к тому времени резко неприязненными. С Шаховским у него были старые счеты: еще в декабре 1809 года он «заклинал дружбою» Батюшкова, писавшего тогда «Видение на берегах Леты», «“выкупать” Шаховского... – бога ради!» [5, с. 85]. Именно эта «антишаховистость», а не «арзамаскость» Гнедича была внешним поводом для отрицания катенинского перевода, но вот именно внешним и отнюдь не главным. Главным же были трансформации в собственных эстетических позициях Гнедича к 1816 году, которые отразились, в частности, в произнесенном на торжественном собрании Императорской Публичной библиотеки 2 января 1816 года рассуждении его «О вкусе, его свойствах и влиянии на нравы и язык народа»⁵.

Если судить по прежним эстетическим суждениям Гнедича, то его эстетическая платформа не так уж сильно отличается от катенинской. Например, в 1811 году Гнедич писал Батюшкову: «Я – лет десять стараюсь *ослабляться*, т. е. вникаю в свойства и красоты, и богатство славянского языка, но еще далек, хотя ты и льстишь мне, от цели моих желаний». Приведя прозаический перевод небольшого отрывка из «Илиады», он спрашивал того

же Батюшкова, отчего «в этом рассказе, составленном из слов низких и непристойнейших, где ничего не подобрано, рассказано, как говорят матросы и свинопасы, никаких искусственных фигур и оборотов, отчего в этом рассказе вселена Венера, меня восхищающая...»? (цит. по: [8, с. 111]). В простонародном языке Гнедич, таким образом, видел огромный источник художественной выразительности.

Стало быть, «сия простота и даже грубость выражений, сия *сволочь*, заменившая *воздушную цепь теней*» [17, с. 221], как впоследствии передавал Пушкин стилистический характер перевода Катенина, отнюдь не должна была возмутить Гнедича. Все дело, однако, в том, что к 1816 году язык Гомера, по справедливому заключению А.Н. Егунова, уже не был для Гнедича «тем языком, каким говорят матросы и свинопасы», и перевести на русский язык иноязычное произведение не значило сделать его вульгарным – в этом Гнедич усматривал принижение русского народа. Отсюда, – справедливо заключал Егунов (и очень жаль, что его выводы до настоящего времени оставляются без внимания исследователями Грибоедова) – а не вследствие сочувствия к украшающим способам перевода Жуковского, негодование Гнедича по поводу «Ольги» Катенина.

В своем искреннем эстетическом негодовании Гнедич, впрочем, зашел настолько далеко, что ему отказало чувство справедливости. Он впал в ригоризм, мелочную придирчивость, непозволительную для поэта назидательность и сам подставил себя под удар Грибоедову. «Слезный сон» для него «сухой эпитет», «рано поутру – сухая проза», «Ах, родима, все пустое!» – «простота, но не поэтическая», рать, с его точки зрения, не может идти «под звон колоколов», а только «при звоне». Правда, несколько замечаний Гнедича, безусловно, не лишены оснований. Так, к стиху:

Спишь ли, милая, в *потьме*? –

он делает поправку: «в потьмах», а по поводу стихов:

Мчатся всадник и девица,
Как стрела, как *праиц*, как птица! –

замечает: «Эти бы стихи летели, но – увы! – пращи не летают. Пращ есть веревка или ремень, которые всегда остаются в руках человека, мечущего ими камни» [4, с. 11–17]. Но это, впрочем, наверное, и все справедливые замечания Гнедича, между тем как неосновательные придирки отнюдь не исчерпываются приведенными выше. Если же вспомнить, что в начале своей статьи Гнедич сам отмечает несколько несообразностей и у Жуковского, то несправедливость оценки Гнедича делается очевидной. Всеми этими его просчетами мастерски воспользовался Грибоедов.

Его антикритика напоминает не столько обычную защиту, попытку заступиться за Катенина, сколько смелую атаку на самого Гнедича и вместе с ним на Жуковского: «дерзость меня увлекает еще далее: посмотрю, каков логик и грамматей сам сочинитель рецензии! Г. Жуковский, говорит он, пишет баллады, другие тоже; следовательно, эти другие или подражатели его, или завистники. Вот образчик логики г. рецензента. Может быть, иные не одобряют оскорбительной личности его заключения; но в литературном быту то ли делается? Г. рецензент читает новое стихотворение; оно не так написано, как бы ему хотелось; за то он бранит автора, как ему хочется, называет его завистником и это печатает в журнале и не подписывает своего имени. Все это обыкновенно и уже никого не удивляет» [6, с. 253]. В своем полемическом задоре, в гневном обличении традиционных журнальных приемов Грибоедов, как это присуще истинным полемистам, несколько выпрямляет смысл выступления Гнедича для того, чтобы ярче выставить его неправоту, но отнюдь не перетолковывает его слов.

Правда, Катенин не просто написал балладу, а перевел ту же балладу, к которой ранее обращался Жуковский, но Гнедич действительно восклицал в своей статье об «Ольге»: «Как! И после Людмилы эта балладная кокетка (то есть «Ленора Бюргерова». – С. К.) хочет еще нравиться под новым именем?» [4, с. 11]. Впрочем, завистником он Катенина нигде не называл. Правда, и то, что Гнедич не подписал рецензии своим именем, но опять-таки правда, да не вся. Подпись «С.П.б. Губернии Деревня Тентелева», то есть дачная местность на четвертой версте петергофской дороги, ясно вы-

казывает петербургского литератора, а идущие в «Сыне Отечества» сразу, на той же 22-й странице, на которой заканчивается рецензия, отрывки из 11-й песни «Илиады», переведенные гекзаметром и подписанные «Н. Гнедич», делали вопрос об авторе рецензии, по крайней мере, в глазах петербургских литераторов, довольно прозрачным.

Не прямое, а аллюзионное обозначение автором своего имени вызвано, вероятно, не столько даже стремлением сколько-нибудь скрыть его, сколько намерением выдержать подпись в том же сатирическом тоне, в каком написана вся статья Гнедича. Кстати сказать, подтрунивание Грибоедова над нерусскостью языковых требований Гнедича имеет, по-видимому, свой подтекст. «Он свою рецензию прислал из Тентелевой деревни С<анкт>-П<етер>-б<ургской> губернии ⁶; нет ли там колонистов? не колонист ли он сам? – В таком случае прошу сто раз извинения – Для переселенца из Немечины он еще очень много знает наш язык» (с. 257) – восклицает Грибоедов, и этот выпад связан с тем, что неподалеку от петергофской дороги в самом деле находилась немецкая слобода ⁷, а возможно, и с малороссийскими корнями Гнедича [10].

Далее Грибоедов последовательно, пункт за пунктом обращает все ложные замечания Гнедича против него самого: «Грамматика у г. рецензента своя, новая и сродни его логике, – пишет он, – она, напр<имер>, никак не допускает, чтоб

Рать под звон колоколов
Шла почить от всех трудов.

Вступать в город *под* звон колоколов, плясать *под* музыку. – Так говорится и пишется и утверждено постоянным употреблением, но г. рецензенту это не нравится: стало быть, грамматически неправильно» [6, с. 253]. И далее в том же ключе он раз за разом укладывает Гнедича на лопатки.

Можно привести, пожалуй, только один случай, когда точка зрения Гнедича оказывается более справедливой, хотя Грибоедову и удается ей кое-что противопоставить. Впрочем, он и сам признает основательность этого суждения Гнедича. По поводу выше приведенных стихов, где «всадник и девица» ока-

зываются мчащимися «как пращ», Грибоедов замечает: «наконец, исписав 17 страниц, г. р<ецензент> дописался до замечания справедливого. Скажу только, что слово *пращ* в таком смысле, как оно принято в «Ольге», находится также в одном месте у г. Жуковского:

От стука палиц, свиста пращей,
Далече слышен гул дрожащий. *Стихотв[орения]*
Жуковск[ого], т. 1. / стр. 107 [6, с. 256].

Однако контраргумент Грибоедова не совсем срабатывает, так как в приведенной им цитате из Жуковского праща всего лишь свистит, что вполне естественно, а у Катенина она мчится.

Зато замечания Грибоедова в защиту баллады Катенина разят наповал. «Невеста, которая говорит о кровати, и спрашивает:

В ней уляжется ль невеста? –

есть такая невеста, которая не может иметь места ни в подлиннике, ни в переводе» [8, с. 18], – пишет, например, Гнедич. Грибоедов, напротив, находит этот вопрос невесты очень натуральным: «Стих “*В ней уляжется ль невеста?*” заставил рецензента стыдливо потупить взоры; в ночном мраке, когда робость любви обыкновенно исчезает, Ольга не должна делать такого вопроса любовнику, с которым готовится разделить брачное ложе? – Что же ей? предаться тощим мечтаниям любви идеальной? – Бог с ними, с мечтаниями; ныне в какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, песнь или послание, везде мечтания, а натуры ни на волос» [6, с. 256]. Антикритика Грибоедова все время обнаруживает тенденцию перехода в общую, не связанную с рассматриваемым поводом, критику и даже не своего прямого оппонента, а того литературного направления, случайным защитником которого оказался Гнедич.

В первой части статьи Грибоедов, не довольствуясь Гнедичем, задевает Жуковского, во второй он окончательно переходит в контрнаступление против всего сентиментально-предромантического направления. Именно это обстоятельство все время сбивает с толку исследователей Грибоедова, торопящихся зачислить по ведомству карамзинистов и переводчика «Илиады». Но дело обстоит не так:

самого Гнедича Грибоедов критикует не за «карамзинизм», который, как ему прекрасно известно, отнюдь для него нехарактерен.

Чтобы убедиться в этом, Грибоедову достаточно было прочесть те отрывки из «Илиады», которые служили как бы продолжением статьи Гнедича: «страница 22, – отмечает А.Н. Егунов, и вряд ли этого не сознавал Грибоедов, – служит местом, где кончается литературно-отвергаемое и начинается литературно-утверждаемое» [8, с. 214]. А уже стихи, открывающие подборку Гнедича:

Стекались народы.
Как семейства пчелиные, вставши густыми роями,
Идут из горных пещер и растущие купа за купой,
В образе гроздий златых по цветам благовонным
виются,
Или туда и сюда, рассыпясь, роями кружатся... [3, с. 22]–
были достаточно показательны, чтобы не упрекать Гнедича за карамзинскую облегченность стиля.

Впрочем, Грибоедов и Жуковского критикует не за это, а, в подражание Гнедичу и пародируя при этом его рецензию, – за погрешности против смысла, неточность словоупотребления, некоторую условность движения сюжета, неестественность отдельных положений. Гнедич же высмеивается за действительно присущий ему недостаток, свойственный и цитированным выше стихам: некоторую высокопарность его перевода, ведущую к однообразию и монотонности: «В Ольге г. рецензенту не нравится между прочим выражение *рано поутру*; он его ссылает в прозу: для стихов есть слова гораздо кудрявее», – пишет Грибоедов и делает к этим словам примечание: «Он вообще непримиримый враг простоты; не знаю, как ускользнули от его критики дышащие пиитическою простотою стихи:

Так весь день она рыдала,
Божий промысел кляла,
Руки белые ломала,
Черны волосы рвала...» [6, с. 254].

И не случайно в едва ли не единственном дошедшем до нас отзыве Грибоедова о Гнедиче отмечается эта же сторона личности и эстетического направления Гнедича: «у него и галстук повязан экзаметром» [7, с. 73].

Перефразируя батюшковское «Видение на берегах Леты», Гнедич иронически заметил о стихах Катенина:

Хоть и варяго-росски,
Но истинно немного жестки! –

Грибоедов парировал этот выпад, заметив по поводу стихов «Людмилы» Жуковского:

Хотя и не варяго-росски,
Но истинно немного плоски [там же, с. 261].

Несмотря на то, что полемисты и обменялись уколами в парадигме «церковнославянское vs. русское», но главный спор между ними шел по вопросу не о «славянщине», а о «простонародности» и «простоте». И именно эта убежденность Грибоедова в необходимости в поэзии простоты и «натуры», которая в 1816 году позволила ему, начинающему литератору, опрокинуть кажущиеся прочными эстетические порядки маститого автора, через несколько лет станет эстетической основой его блестящей комедии «Горе от ума».

Итог этой дуэли через полтора десятка лет, когда стало возможным взглянуть на нее с позиций дальнейшего литературного развития, подвел Пушкин: «Первым замечательным произведением г-на Катенина был перевод славной Биргеровой *Леноры*. Она была уже известна у нас по неверному и прелестному подражанию Жуковского, который сделал из нее то же, что Байрон в своем “Манфреде” сделал из “Фауста”: ослабил дух и формы своего образца. Катенин это чувствовал и вздумал показать нам *Ленору* в энергической красоте ее первобытного создания; он написал *Ольгу*. Но сия простота и даже грубость выражений, сия *сволочь*, заменившая воздушную цепь теней, сия виселица вместо сельских картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказать их мнения в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым» [17, с. 220–221]. Если внимательно прочитать этот абсолютно точный диагноз, какие вообще были характерны для Пушкина, то можно найти в нем подтверждение многого из того, что было сказано выше.

В дуэли между Гнедичем и Грибоедовым победил молодой, еще никому не известный писатель⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лишь Н.И. Мордовченко отчетливо передает «своеобразие позиции Гнедича»: «осуждая Катенина и защищая Жуковского, он в то же время выступал против введенного Жуковским в русскую поэзию самого жанра баллады» [12, с. 149]. Однако этим своеобразием позиции Гнедича не ограничивается.

² Перевод Катенина был опубликован дважды – в девятом номере «Вестника Европы» и, с исправлением некоторых допущенных в этой публикации опечаток, а также с некоторыми изменениями, в двадцать четвертом номере «Сына Отечества».

³ Подробно рассмотрев разногласия Гнедича с духом «Беседы», М.Г. Альтшуллер, тем не менее, полагает: «По литературным симпатиям и вкусам, по отношению к нему враждующих групп можно рассматривать Гнедича как автора, полноправно входившего в круг «Беседы любителей русского слова»» [1, с. 101–115]. Однако как тогда быть с дружескими связями Гнедича с некоторыми «арзамасцами»?

⁴ Что же касается вопроса, оставленного автором без ответа: «Но вот почему-то в 1816 году Гнедич решил порвать если не с умирающей “Беседой”, то с активнейшим “архаистом” Катениным и восхвалить на этом фоне “арзамасца” Жуковского. Никакими собственно литературными разногласиями этого не объяснишь. Тут приходится искать причины в личной или театрально-закулисной жизни (типа будущего противостояния Гнедича и Катенина как учителей и покровителей Семеновы и Колосовой). Но этих причин мы пока просто не знаем» [15, с. 143–144], то, может быть, ответ на него довольно прост: потому что дружба с Жуковским для него в это время была важнее.

⁵ Отрывок из него был помещен в «Сыне Отечества» (1816. № 2).

⁶ Возможно, в момент написания статьи Гнедич жил на бывшей даче А.С. Строганова, в 1810-х годах распроданной по участкам [18, с. 117].

⁷ И сейчас еще некоторые улицы в том районе имеют названия: Лифляндская, Курляндская и др. (На тему «Гнедич в Петербурге» см.: [9].)

⁸ Впрочем, впоследствии после личного знакомства с Гнедичем, убедившись в том, что прежние эстетические расхождения вполне отражают различия в типе личности, Грибоедов все же отдал должное своему бывшему оппоненту: «несмотря

что у него и галстук повязан экзаметром, в мыслях и словах и поступи что-то надутое, но кажется, что он гораздо толковее многих здесь» [7, с. 73].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альтшуллер, М. Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства / М. Альтшуллер. – 2-е изд., доп. – М. : Новое лит. обозрение, 2007. – 444 с.
2. Арзамас и арзамасские протоколы / введ. ст., ред. протоколов и примеч. к ним М. С. Боровковой-Майковой. – Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. – 302 с.
3. Гнедич, Н. Илиада. Отрывки из 11-й песни / Н. Гнедич // Сын Отечества. – 1816. – Ч. 31, № 27. – С. 22–28.
4. [Гнедич, Н.] О вольном переводе Бюргеровой баллады «Ленора» / Н. Гнедич // Сын Отечества. – 1816. – Ч. 31, № 27. – С. 2–22.
5. Гнедич, Н. И. Письма к К.Н. Батюшкову. Публикация М.Г. Альтшуллера / Н. И. Гнедич // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома. 1972. – Л. : Наука, 1974. – С. 78–92.
6. Грибоедов, А. С. О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора» // Полн. собр. соч. В 3 т. Т. 2. Драматические сочинения. Стихотворения. Статьи. Путевые заметки. – СПб. : Нотабене, 1999. – 618 с.
7. Грибоедов, А. С. Письма П.А. Вяземскому. 27 июня 1824 // Полн. собр. соч. В 3 т. Т. 3. Письма. Документы. Служебные бумаги. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 687 с.
8. Егунов, А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков / А. Н. Егунов. – М. ; Л. : Наука, 1964. – 439 с.
9. Кибальник, С. А. Афинская звезда / С. А. Кибальник // Белые ночи. Очерки. Зарисовки. Воспоминания. Документы. – Л. : Лениздат, 1989. – С. 223–247.
10. Кибальник, С. А. Н.И. Гнедич / С. А. Кибальник // Русские писатели. 1800–1917 : биогр. слов. Т. 1 : А – Г. – М. : Сов. энцикл., 1989. – С. 585–588.
11. Мещеряков, В. П. А.С. Грибоедов / В. П. Мещеряков // Литературное окружение и восприятие (XIX – начало XX в.). – Л. : Наука, 1983. – 265 с.
12. Мордовченко, Н. И. Русская критика первой четверти XIX века / Н. И. Мордовченко. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 430 с.
13. Орлов, Вл. Грибоедов. Очерк жизни и творчества / Вл. Орлов. – М. : Гос. изд-во худ. лит., 1954. – 275 с.
14. Орлов, Вл. Павел Катенин. Пути и судьбы / Вл. Орлов. – Л., 1971. – С. 149–152.
15. Строганов, М. В. О литературной позиции Грибоедова / М. В. Строганов // Новые безделки. – М. : Новое лит. обозрение, 1995–1996. – С. 142–146.
16. Тынянов, Ю. Н. Пушкин и его современники / Ю. Н. Тынянов. – М. : Наука, 1968. – 424 с.
17. Пушкин, А. С. Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина // Полн. собр. соч. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – Т. XI. – С. 220–222.
18. Пыляев, М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга / М. И. Пыляев. – Репр. воспроизв. изд. 1869 г. – СПб., 1994. – 550 с.

TO THE QUESTION OF THE POLEMIC BETWEEN A.S. GRIBOEDOV AND N.I. GNEDICH

S.A. Khibalnik

The article subject is known polemic of 1816 about transfer of a ballad «Lenora» («Olga») of Burger by Katenin, before the translated V.A. Zhukovsky («Lyudmila»). Contrary to J.N. Tynjanov, who has included this polemic in an overall picture of struggle «younger arhaists» with a Karamzin direction in the literature, close to a circle of «Conversation» of Gnedich unexpectedly acts here against «архаиста» as Katenina in protection»арзамасца» Zhukovsky. In article the originality of a literary-aesthetic position of Gnedicha which explain its participation in this to «fourfold duel», and the reasons of its defeat in opposition with the future author» the Grief from mind «is shown.

Key words: Gnedich, Griboedov, polemic.